

ИРРАЦИОНАЛИЗМ КАК ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕЧЕНИЯ И АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ДВИЖЕНИЙ

В статье исследуется динамика социально-политических трансформаций, вызванных современными процессами глобализации. Рассмотрены проблемы иррационализма в контексте современного дискурса. Выявлены проблемы влияния принципов иррационализма на социальные отношения и формирование альтернативных движений.

Ключевые слова: альтернативное движение, глобализация, иррационализм, социальные отношения.

У статті досліджено динаміку соціально-політичних трансформацій, що викликано сучасними процесами глобалізації. Розглянуто проблеми ірраціоналізму у контексті сучасного дискурсу. Визначено вплив принципів ірраціоналізму на суспільні відносини та формування альтернативних рухів.

Ключові слова: альтернативний рух, глобалізація, ірраціоналізм, суспільні відносини.

In this article we research the dynamics of social-political transformation caused by modern processes of globalization. We consider the problems of irrationalism in the context of contemporary discourse. We also identify the influence the irrationalism principles to the social relations and alternative directions forming.

Keywords: alternative direction, globalization, irrationalism, social relations.

В современном обществе происходит кардинальное изменение социальных отношений, обусловленное влиянием экономических и политических проявлений процессов глобализации. Все социальные процессы приобретают более широкие, и, в конечном счете, глобальные масштабы [8, с. 6]. Изменение модели политической культуры, традиционно отражающей национально-классовые интересы общества, и формирование неких более или менее рациональных цивилизационных ее образцов, вероятно, отразило заданную глобализацией радикальную смену модели взаимоотношения государства и общества – трансформацию политических, экономических и социальных институтов [4, с. 6].

В XXI в. международные и региональные процессы глобализации вызвали масштабное развитие различных кризисов – политических, экономических, экологических, социальных, системных и др. Степень их влияния на систему международных отношений в целом и субъектов мирового сообщества в частности различны и зависят, по-видимому, главным образом от конъюнктуры и инфраструктуры взаимодействия институтов власти – суверенных национальных и транснациональных, то есть наднациональных, включая субнациональный уровень. В результате распространения кризисных явлений на процессы развития

суверенных национальных властных структур, которые по-прежнему являются главным субъектом международных отношений и основой формирования универсалий мирового порядка, а также носителем и источником политико-правового и социально-экономического развития общества, возникает общая дестабилизация взаимодействия в их пределах основных сфер общественной жизнедеятельности, оказывая тем самым влияние на политическую, социокультурную и духовную жизнь иных субъектов мирового сообщества и системы международных отношений в целом. При этом страна как суверенная территория, как правило, отражает черты государственных институтов. Исключение, увы, в последние десятилетия распространенное, составляют так называемые несостоявшиеся государства, в которых в силу эрозии и упадка государственных институтов и снижения стабильности национального государства вплоть до кризиса управления, где отдельные функции государства либо их комплекс выполняются не должным образом, либо по объективным или субъективным причинам вообще не могут быть выполнены, то есть страна может развиваться «вопреки государству» [5, с. 104]. Таким образом, форма, которую приобретает система социально-политического взаимодействия институтов власти на отдельной суверенной территории мирового политического пространства исторически, географически и геополитически обусловлены в то время как ее исходная, то есть обусловленная геоисторическими факторами развития отдельной страны форма, зависит от уникальной композиции культурных, цивилизационных и социально-экономических факторов развития социальной системы с производной от них политической вертикалью [6, с. 146–147].

Причиной, вероятно, явилась новейшая общемировая тенденция сужения традиционной сферы политико-правового, и социально-экономического влияния национального государства и трансформации отношений суверенитета, что вызывает неопределенность перспектив развития государственных институтов власти в эпоху глобализации. В свою очередь, политическая и экономическая глобализация оказывает на государство и общество комплекс внутренних и внешних воздействий, разрушающих систему государственного управления [5, с. 101–104]. Исходными факторами дестабилизации стран в различных регионах мира (включая развитые страны) могли стать как внутренние, так и внешние экономические, социальные, криминогенные, террористические, этнонациональные и религиозные, идейно-политические и техногенные угрозы безопасности государства [2, с. 21–24].

Результатом исследования новейших тенденций развития глобализированного политического пространства и формирующегося на его основе глобализированного сообщества в качестве довольно распространенного мнения специалистов о характере этих изменений стал тезис о «деградации» социального бытия в глобализирующемся мире [1, с. 3]. «Средства массовой информации пестрят различными сообщениями... в основном наводящими тоску, уныние, пессимизм... и оказывают сильное влияние на общественное сознание... Протест

объединяет представителей различных политических и религиозных убеждений...выступает важным побудительным мотивом борьбы. Таким образом, значительная часть...активно включается в...движение и через...каналы протеста [12, с. 5–6]». Причиной широкого распространения и постоянного поиска иных «альтернативных» форм жизни, новых религиозных течений, стремления к «альтернативным» средствам разрешения личностных и общечеловеческих проблем [12, с. 7]» может быть сознательный либо следующий стереотипным образцам убеждений отказ от традиционных ценностей как не оправдывающих себя в конкретных современных условиях, стремление отвергнуть традиционную культуру, традиционный образ жизни, выработать другие нормы и ценности, пути самовыражения и самореализации [12, с. 6–7]. Значительная часть общества отказывается от традиционных политических институтов и традиционных религиозных организаций [12, с. 7], распространяя на них протест против неспособности (действительной или мнимой) в решении значимых общественных проблем, отдавая предпочтение «альтернативным» силам и движениям и на общегосударственных и местных выборах (экологическим, оппозиционным, революционным и пр.). Периодически наступает разочарование в концептуальных моделях, которые предлагаются и принимаются в качестве некоего «жизнеспособного образца [12, с. 7]», СМИ и иные институты «продолжают...поставлять...собственные образцы насилия, приобщая...к преступности, жестокости и т.п. [12, с. 7]». Рекрутирование последователей данных образцов происходит посредством приобщения определенных слоев населения к основанным на новых тенденциях «новым сортам» литературы, искусства, ценностных систем материального и нематериального характера. Субъект власти «в битве за неокрепшие души пускает в ход идеологическое оружие большого и малого калибра. Создаются новые средства ведения боя, возобновляются старые, если они могут оказаться пригодными – словом, в зависимости от конкретной ситуации меняются тактика, тональности идеологического и психологического воздействия на индивида. Меняются также средства идейного, нравственного давления...обновляется система манипулирования сознанием личности [12, с. 8]».

В кризисные периоды развития общества возникают и наиболее активно себя проявляют иррационалистические учения, представляя собой сложный комплекс идей, которые обычно выстроены не в виде концептуально и логически единой системы. Они предстают в виде довольно разрозненных и исторически разобщенных идей, сформулированных порой в идеологемах, максимах и афоризмах и являющихся значимой частью социально-политических течений и многообразных движений, объединенных термином «альтернативные», то есть выдвигающие требования, носящие преобразующий действительность характер. Комплекс идей, объединенных иррационалистическими принципами построения и смыслового единства, принято относить к иррационализму как социально-философскому течению.

Принято считать, что иррационализм представляет собой философское учение, состоящее из множества концепций, в противоположность рационализму объединенных идеей ограниченности либо отрицания возможностей разума в познании и признания основой познания немислительные аспекты духовной жизни – волю (волюнтаризм), непосредственное созерцание, чувство, интуицию (интуитивизм), инстинкт, «бессознательное» (фрейдизм), «мыслящий разум» «открытой возможности» (экзистенциализм), воображение, мистическое «озарение» и т. п. Утверждается субъективность, относительность и условность познания и неспособность разума к отражению в знании объективного мира (релятивизм). Действительность иррационализм считает подчиненной воле и лишенной закономерностей (релятивизм), то есть хаотичной и признает основой миропонимания нечто иррациональное, то есть не постигаемое (не до конца постигаемое) логически разумом и мышлением, то, что К.Маркс принимал в науке как превращенный характер преходящих форм, в которых при определенных условиях проявляются глубинные сущностные связи в экономике, политике и культуре. Принято считать, что только иррационализм среди философских течений, признающих иррациональные моменты познания, считает их специфическими противоразумными силами, лежащими в основе и человеческого духа, и бытия.

Иррационализм, как правило, концептуально гетерогенный и социально неоднородный, может быть чрезвычайно гибким в теоретическом отношении и способным учитывать нюансы исторического развития. Конкретно-политическое содержание иррационалистического учения и смысловое наполнение его общих принципов зависит от социально-политической ситуации и содержания доминирующих в это время политических идей. Вероятно, можно считать, что характер содержания иррационалистического учения имеет конкретно-исторический и историко-ситуативный характер. Нельзя также отрицать, что явно или скрыто, иррационалистические принципы, постулаты, аргументы, ценности, ориентации, и иные смысловые элементы могут присутствовать в различных философских и идеологических концепциях в видоизмененной форме выражения. Более того, переход явных и последовательно выраженных иррационалистических идей в иные социально-политические учения как основа модернизации их классической доктрины может оказаться довольно продуктивным с точки зрения практической инновационности. Социально-политическая ценность иррационалистических концептуальных моделей, вероятно, и состоит, главным образом в отрицании рационалистического единства принципов, способов их выведения, обобщения и реализации, то есть, несмотря на парадоксальность, субъективного признания «единственной перспективы» развития общественных процессов и явлений.

Актуализация иррационалистических идей совпадает, как правило, с кризисными и переломными историческими периодами – на рубеже XIX - XX вв. с развитием экономической и политической глобализации, в 30е годы XX в. с

политическим и идеологическим противостоянием на фоне мирового экономического кризиса наиболее влиятельных игроков мировой политики, в 70-80е гг. XX в. с новым обострением социально-экономических и экологических проблем а также глобальных проблем человечества. В XXI в. происходит, как отмечалось выше, трансформация политических реалий вследствие разбалансированности миропорядка, кризис системы международной безопасности, тенденции к пересмотру военно-политических доктрин, моделей и способов урегулирования спорных проблем и конфликтов для обеспечения стабильного развития. Глобализация общественных процессов также сопряжена с усилением противоречий цивилизационного развития связанных с эволюцией различных кризисов (политических, экономических, социальных, системных и др.) [11, с. 5–6] включая мировоззренческий как отсутствие единых универсальных общецивилизационных принципов оценки и интерпретации действительности, аксиологических систем и нормативных моделей [9, с. 31–32]. Возможно, нынешний кризис цивилизационного развития вызван, прежде всего, противоречиями цивилизационных стандартов и образцов их формирования, что отображает значимые оценки отражения действительности субъектов-носителей общественного сознания [9, с. 31] и выражается в форме и содержании приоритетов их деятельности. В поисках новейших образцов и стандартов феноменов культуры в общественном сознании происходят значительные изменения, в том числе в направлении изменения принципов и приоритетов познания для расширения возможностей объективно-научного объяснения новейших явлений. Изменения происходят и в процессах формирования субъектов-носителей общественного сознания – они глобализируются посредством развития их универсальных качеств, что, вероятно, формирует объединенное универсальными элементами (ценностями, нормами, принципами, формами мышления и пр.) сознание глобалистского типа, то есть планетарную модель общественного сознания [9, с. 33–35]. Современная наука не пришла к единому мнению, присуща ли социально-политическим субъектам современного мира в новейших условиях в наибольшей степени тенденция к рационализации либо иррационализации сознания на фоне объективного развития кризисных политико-правовых и социально-экономических противоречий современного политического пространства. Исследование философских оснований иррационализма и их роль в формировании социально-политических течений и альтернативных движений, таким образом, представляется актуальным. Они представляют собой соответственно объект рассмотрения и предмет данной статьи.

По всей вероятности, объективной иррационализации социально-политического пространства и, как следствие, политического сознания в немалой степени способствует неизменная тенденция развития общества в направлении его открытости. Социальная структура в следствие этого все более изменчива и вариантна, процессы социальной мобильности (главным образом вертикальной)

все более стремительны и по объективному, и по субъективному их содержанию, формирование социальной среды субъекта тем самым все более случайно, а оценка субъектом социальной действительности все более спонтанна, эмоциональна и нестабильна по форме и содержанию, то есть исходным образом иррациональна. Иррационалистические принципы и иррациональные приемы формирования и развития сознания могут таким образом находить у социального субъекта различных уровней (индивидуального, коллективного, группового и пр.) все большую поддержку.

Исследователи отмечают роль экономических факторов развития общества в изменении в новейшую эпоху развития глобализации рациональности и рационализации, которые характеризовали общество модерна XVIII- большей части XX вв. и противопоставляли рациональность традиционности как мыслимый вектор и важнейшее завоевание прогресса. Культура модерна характеризовалась рациональностью познания и, как следствие, рациональностью хозяйства, общественной организации, планирования поведения и всей жизни. Критики же общества модерна видели в рациональности антитезу нравственности, и подлинно человеческих качеств, утраченных из-за рационализации. Противоречивость рациональности и противоречивые в своей неоднозначности социальные и культурные ее последствия виделись многим исследователям, и прежде всего М. Веберу и Г. Зиммелю, в теснейшей связи с развитием денежной экономики, денег и их особенностей [3, с. 38]. В современных условиях формальная рационализация экономики и социальной среды «провоцируют» противоречия и даже рост иррациональности по сравнению с формальной рациональностью индустриального общества [3, с. 38–39]. «Именно в связи с деньгами, и особенно в финансовом поведении устойчиво воспроизводятся иррациональных, аффективных, логически необъяснимых действий... Это не только эпидемии массовых азартных финансовых игр, время от времени охватывающие общества, но и противоречия, иррациональность в социальной и культурной сферах, порождаемые виртуальным характером глобальной экономики финансов [3, с. 38–39]». К неуправляемым проявлениям глобализации относят обусловленность «национально-государственной стратификации политической реальности» «безудержным стремлением к прибыли» «беспрецедентно ликвидного» глобального капитала [7, с. 12]. Как следствие парадокс – уменьшение значения национального государства как субъекта контроля все более формализующейся экономики. Уже упомянутая выше нестабильность государств является, по всей вероятности, результатом развития данного парадокса политико-экономического развития и в свою очередь порождает хаотизацию социального пространства, и – всё в комплексе – цивилизационный кризис, взаимообусловленный с трансформацией мирового порядка. В целом же, преобладающий в экономиках финансово-спекулятивный капитал банковских, кредитных и страховых компаний ориентирован на извлечение прибыли из денежного обращения и ориентирует общество получать деньги любыми способами – в том числе не рациональными, а

авантюристическими (по разделению Вебера), а то и вовсе преступными [3, с. 41]. Безналичные деньги преобладают, выражая не столько мир стоимостей Зиммеля, сколько влияющую на рациональность универсализацию калькуляции и тем самым усиление влияния денег на отношения собственности – в структуре собственности преобладает капитал, который все более обезличивается и становится важнейшим фактором отчуждения личности от общества и культуры [3, с. 41–43]. «В условиях «текущей современности» и глобализации усиливается дезинтеграция социальных групп и структур, а также личностных идентичностей. Здесь...начинают доминировать краткосрочные социальные взаимодействия по типу «кемпинга», где надолго никто не задерживается и никому ничем не обязан, а способность меняться...становится залогом успеха [3, с. 45]». Однако, следует отметить и стремление членов общества получить деньги как некую доступную компенсацию за низкий социальный статус и недоступность (либо доступность, либо мнимую доступность) его повышения и повышение экономической и внеэкономической роли денег за счет формирования данного компенсаторного проекта, формирующего и субъективно-иррациональный фактор экономического поведения и фактор иррационализации ценностных ориентаций социального престижа и модели самовыражения. Создается миф о самоценности и всемогущести денег и демонстрирует, что «виртуальные деньги глобальной экономики финансов, среди прочих факторов, способствуют как плюрализации форм рациональности, так и нарастанию иррациональности в экономике и других сферах социальной деятельности [3, с. 45]».

Социальная значимость и социальное значение иррационализма увеличиваются, вероятно, не только по мере снижения стабильности общества, но и в направлении нижней части общественной пирамиды – понарастающей. Исходными процессами формирования социально-политического порядка являются преимущество степени организованности управляющей части общества перед управляемой и все большая спецификация функций управления и контроля элитарной части общества. Ей же принадлежит привилегия формализации превосходящих социальных возможностей – наилучшего образования (в том числе его продолжения), применения образования в профессиональной деятельности по специальности, карьерного роста, приобщения к различным высшим культурным ценностям, приобретения навыков для развития необходимых для самовыражения качеств и пр. Несмотря на действительное предоставление широкого спектра политических, экономических и социальных прав всеобщего характера и образца и развитие подлинных демократических традиций во многих странах мира, значительная часть их населения придерживается иной системы ценностей нежели традиционная и посвящают свои способности и возможности достижению иных политико-правовых и социально-экономических целей – деятельности сетевых социальных структур различной направленности (но однотипных по сути), организаций и движений «третьего пути» развития общества. Как правило, это путь недовольства, более или менее осознанного и организованного протеста

против более или менее осознанных тенденций и противоречий общественно-экономического и политико-правового развития социальной системы национального, наднационального и глобального образца. Так возникают и активизируются борющиеся за гражданские права «зеленое», молодежное, феминистское, скваттерное, религиозное и другие альтернативные движения, а нередко и нетрадиционные общественные силы [12, с. 29]. Так формируются «альтернативная культура» не тождественная субкультуре [12, с. 59] в принципе, а вообще полагающая замену осложняющей общественную жизнь «конкуренции» между группами и классами «этикой всеобщей системы», являющейся «предпосылкой выживания» [12, с. 61]. Так возникают идеи о «качестве жизни», «простоте жизни», теории «деидеологизации»-«реидеологизации», «общество потребления»-«общество воздержания», «технизм»-«антитехнизм» «индустриализм»-«постиндустриализм», «экосоциализм» и пр. – на отражении «дилемм нашего времени» [12, с. 59–77] и внедрении в сознание масс тезисов и лозунгов ложного содержания, главным образом, о состоянии социальной иерархии, объективном содержании процессов формирования социальной структуры и формы реализации социального престижа. Подобные идеи искажают социальную идентификацию и актуализируют в политическом сознании значение референтных групп. Предлагается «новый путь» к «новому обществу», где альтернативой «порабощению человека» становится самореализация в «малых сетях» [12, с. 55–77]».

Преувеличивается общность интересов элементов социальной системы. На основе мифа об их социальной автономии формируются модели мотивации социальной активности и участия различных групп и категорий населения страны в тех или иных общественных процессах. Отдельные группы стремятся проявить себя как часть общества, интересы которого в наибольшей мере отражающие интересы и цели подавляющего большинства. Как разновидность «социальной баррикады», разделяющей элементы социально-политической стратификации постиндустриального общества, создаются концепции, преувеличивающие общность целей и единство гендерных, профессиональных, конфессиональных либо национально-этнических интересов [12, с. 3]. Их дополняют идеи социальной справедливости, интерпретированные исходным стремлением к оправданию и внедрению в сознание ценностей деклассированных элементов.

Безработица как основной источник неуверенности в завтрашнем дне порождает различные категории «лишних людей», «оказывает на человека не только материальное, но и социально-психологическое воздействие...растут чувство неуверенности, пессимистические тенденции среди различных слоев общества [12, с. 3–4]». Безработица формирует крайне пессимистичный взгляд на собственные жизненные перспективы [12, с. 4]. «Фаталистические взгляды на жизнь сильнее выражены у тех, кто длительное время оставался без определенных занятий...главная причина подобных настроений кроется в отсутствии социальной уверенности, в представлениях, что будущее невозможно планировать, что жизнь

– это игра случая и неконтролируемой судьбы...депрессивные процессы...подчеркивают отрицательные эмоции, пассивность, робость, слабование, бессонницу, а в некоторых случаях даже бредовые идеи и галлюцинации [12, с. 4]». Для молодежи это состояние усугубляется ухудшением материального положения на фоне более высоких, чем у других категорий населения, материальных, политических и культурных потребностей. Затрудняются и затягиваются на длительное время процессы социализации, «безработица нарушает непрерывность формирования личности, порождает чувства ненужности обществу, собственной неполноценности и бессмысленности жизни [12, с. 4].

Проблема, вероятно, не столько гендерная, сколько социальная, поскольку вовлечению в процессы подвержены элементы социальной системы, у которых значительно меньше по сравнению с остальными шансов на полноценное включение в процессы развития общества и его воспроизводства, преодоление политического, экономического и социального отчуждения. «А это не отдельные люди, а миллионы, которые...рассматривают...общество под углом зрения «они и мы». Подобное противопоставление не лишено упрощений, имеющих негативные последствия...в категории «они» оказываются...государство...монополии...политические партии, профсоюзы и т.д. [12, с. 5]». Значительная часть общества осознает отсутствие подлинных идеалов и духовных ценностей, не желает воспроизводить социальные отношения и протестует против них. Социально-политическая активность отличается от предшествующих моделей активности – в поведении и действиях деклассированных элементов социальной системы появляются новые тенденции, новые формы социального протеста [12, с. 5]. Выступления деклассированных элементов не обособлены от общественно-политических акций остальной части населения страны, поэтому активность выглядит значительно скромнее организованных классовых движений, например, 60х гг. XX в., что дает повод говорить об их «мнимой деполитизации» [12, с. 5–6]. Общество становится зависимым и от отрицания «регрессивного общества» «новых левых» с их надеждой на создание «свободного пространства» для себя, и от альтернативной идеи «свободного пространства» в ограниченном количестве для меньшинства через личную свободу [12, с. 125], поскольку «старания участников «альтернативных проектов» направлены на улучшение жизни, быта узкого круга людей [12, с. 125–126]». Единство и равенство, по всей видимости, не менее сложно приводимы в концептуальное единство, нежели равенство и свобода.

Значение иррационализма для формирования важнейших позиций общественного сознания, таким образом, сложно переоценить. Нестабильность и спонтанность общественного развития, вызванные неоднозначными явлениями, мнимыми процессами и ложными оценками, порождают множество угроз социального, политического, экономического, духовного и иного характера. Исходными факторами дестабилизации стран в различных регионах мира, как уже

отмечено, могли стать внутренние и внешние угрозы безопасности государства. Комплекс их воздействия может изменять тенденции и характеристики действительности, что указывалось выше, от отношений социально-политического порядка вплоть до мирового. «Стабильность социального порядка, так же как и его изменение, зависят от совершаемых индивидом действий, которые, в свою очередь, определяются особенностями социально-политического, пространственного и исторического контекста...Институты соответствуют интересам и идентичности тех индивидов, которые их создают. Идентичность субъекта, в свою очередь, приобретает стабильность и воспроизводится в рамках соответствующих институтов в результате процесса социализации [10, с. 45]». Может быть отмечена вероятность дальнейшего укрепления позиций иррационализма в феноменах общественного сознания в результате усиления потенциала исходных факторов его развития и поскольку идейная основа альтернативных движений и новых общественных феноменов противоречива, многообразна и мировоззренчески неопределенна.

Литература:

1. *Буравой М.* Что делать? Тезисы о деградации социального бытия в глобализирующемся мире. / Буравой М. // Социологические исследования. – 2009, №4(300), с. 3–8.
2. *Загладин Н., Байгушкин А.* Проблемы стабильности современного государства: теоретические аспекты. / Загладин Н., Байгушкин А. // Мировая экономика и международные отношения. – 2008, №8, с. 21–31.
3. *Зарубина Н.Н.* Трансформация рациональности в глобализирующемся мире: влияние денег. / Зарубина Н.Н. // Социологические исследования. – 2009, №4(300), с. 38–48.
4. *Кертман Л.И.* Катастрофизм в контексте российской политической культуры / Кертман Л.И. // Политические исследования. – 2000, № 4 (57), с. 6–18.
5. *Красильщиков В.* Актуальный предмет исследования: несостоявшиеся государства. / Красильщиков В. // Мировая экономика и международные отношения. – 2008, №7, с. 101–111.
6. *Лозниця С.* Маніпуляція свідомістю: історико-культурні засади // Філософська думка – 2008 – № 1, с. 142–155.
7. *Мариносян Х.Э.* Национальное государство. Проблемы и перспективы в эпоху глобализации. / Мариносян Х.Э. // Философские науки. – 2008, №8, с. 5–24.
8. *Николаев В.Г.* Миграция и маргинализация в интеракционистской перспективе. / Николаев В.Г. // Социологический журнал. – 2010, №1, с. 5–20.
9. *Раздина Е.В.* Социальная справедливость как составляющая планетарного сознания / Раздина Е.В. // Гуманітарний часопис: Збірник наукових праць. / Мін-во освіти і науки України – Харків: ХАІ. 2013. – Вип. 1 (34) – 147 с. – С. 30 – 38.
10. *Смирнова А.Г.* Угрозы и их изучение в социологии международных отношений. / Смирнова А.Г. // Социологический журнал. – 2010, №2, с.35 – 49.
11. *Тимофеев Т.* Виклики ХХІ століття – дебати про альтернативи. / Тимофеев. Т. // Політична думка. – 1999, № 4, с. 5-13.
12. *Худавердян В.Ц.* Современные альтернативные движения: (Молодежь запада и «новый» иррационализм). – М.: Мысль, 1986. – 150 с. – (Критика буржуазной идеологии и ревизионизма).